себе и, как знать, найти варианты для нового развития. Новые идеи оформления необходимы тем, кто может упрекнуть себя разве что в излишнем совершенстве и дизайнерском минимализме— а это основные качества Rado на протяжении последних десятилетий.

Образец стиля Rado — True Thin Line Automatic стал в 2017 году платформой для трех дизайнерских экспериментов. Первый вариант сделал американец, оформитель интерьеров Сэмюэл Амойа. Его Rado True Blaze отличаются циферблатом, сделанным как будто бы из бриллиантовой крошки, на самом же деле из серебристой рельефной металлокерамики, контрастирующей с гладким корпусом. Группа дизайнеров из швейцарской Лозанны Big-Game, в которую входят француз Огюстен Скот, бельгиец Эрик Пети и швейцарец Эдуард Жанмоно, сделала в своих Rado True Phospo циферблат в виде черной сетки с круглыми отверстиями, открывающей детали автоматического механизма. Точно такая же сетка скрывает и одновременно показывает заднюю строну калибра с желтым ротором автоподзавода. Цифры часов на циферблате дизайнеры заменили круглыми люминесцентными метками. Подсвечены «суперлюминовой» также и стрелки. Самым же интересным стал проект австрийца Райнера Мутша из венской Studio Rainer Mutsch. В своих Rado True Stratum ему удалось добавить сверхтонким часам иллюзию трехмерного циферблата, в котором три стрелки как будто бы висят над вогнутой плоскостью.

Это по-прежнему лимитированные серии, выходящие тиражом от 1001 до 3003 экземпляров. Единица в конце соответствует часам, которые получает сам дизайнер (или три дизайнера в случае Big-Game). Это тоже дизайнерская идея, начавшаяся с Константина Грчича. Когда я спросил его однажды, почему лимитированная модель его новой линии называется «701», он ответил: «Потому что предполагался выпуск 700 экземпляров, но я попросил добавить еще один для меня. Для каждого дизайнера носить "свои" часы — большая удача».

маттиас брешан: «работать с новыми людьми, очень интересно»

Президент Rado рассказал о работе марки с дизайнерами

— Дизайн очень важен для Rado. Надо быть достаточно храбрыми, чтобы принять идею дизайнера и помочь воплотить ее в жизнь.

— Это бывает сложным? Что же вам предлагают?

— Привелу вам в пример Rado True Blaze. Сэм Амойа после долгого размышления сказал нам, что хотел бы «феминизировать» часы, которые кажутся ему слишком мужскими. Как? Поместить на циферблат алмазную крошку, мелкие драгоценные камни. Проблема в том, что, если бы мы это сделали, цена часов подскочила бы до 50 тыс. франков. Что совсем не в ценовом диапазоне Rado. Но мы не сказали ему «нет», мы подумали, что это повод для того, чтобы заняться вариантами поверхности. Вскоре мы нашли решение, которое было очень похоже на то, что он хотел. Это гальваническое наращивание кристаллов, которое позволяет добиться сходного эффекта, но дает нам часы, которые стоят 2 тыс. франков, что уже больше на нас похоже.

— Как вы находите ту меру вмешательства, которая необходима для ваших часов? Можно ли сделать так, чтобы они остались узнаваемыми, несмотря на вмешательство художника?

— Это важный вопрос. У нас есть модели, к которым все привыкли, которые стали, как мы говорим, нашими «иконами». Взять хотя бы жеечную» модель Сегатіса, которой уже почти тридцать лет. Ее было очень сложно переделать, потому что, когда вы слишком отдаляетесь от исходной модели, вы теряете все качества «иконы», ну а если вы не вносите достаточно изменений, люди скажут: «Да это одно и то же, что вы там добавили?»

— Не ревнуют ли штатные — кстати, очень профессиональные — дизайнеры Rado к посторонним художникам?

— Нет, для нас это тоже школа. Работать с новыми людьми очень интересно. Они ведь приходят из области, которая не имеет прямого отношения к часам. Часовые дизайнеры часто не имеют того кругозора, который могут иметь дизайнеры, работающие в других областях. К тому же к нам приходят необязательно звезды, чаще это молодые таланты, значит, завязывается сотрудничество. Вы же знаете наш девиз — «If we can imagine it, we can make it».

